

Взаимоотношения с родственниками в семье мученицы Перпетуи

Ольга И. Ярошевская

*Свято-Филаретовский институт, Москва, Россия,
yaro-olga@yandex.ru*

Аннотация. В статье представлен анализ взаимоотношений в семье христианской мученицы III в. Перпетуи. Автор рассматривает, каким образом типичный для житий христианских мучеников конфликт христианина и его родных-язычников отражен в тексте «Страстей свв. Перпетуи, Фелицитаты и их сомучеников». Уникальность этого памятника состоит в том, что семейный конфликт в нем описан от лица самой мученицы в тюремных записях Перпетуи. При этом проблема отношений с домочадцами и, в частности, конфликт с отцом, толкающим ее к отступничеству, занимает в записях героини центральное место. На примере сравнения «Страстей свв. Перпетуи, Фелицитаты и их сомучеников» с более поздними «Актами Перпетуи и Фелицитаты» можно проследить, как реалистичное описание отношений в семье новообращенной христианки во всем их многообразии, от единомыслия с братом-катехуменом до острого конфликта с отцом, сменяется подгонкой под уже сложившуюся схему. В рамках более поздней схемы домочадцы-нехристиане становятся неразличимой толпой «просто язычников», которых новообращенный христианин отождествляет со своим греховным прошлым и часто воспринимает как врагов.

Ключевые слова: раннехристианские мученики, Страсти Перпетуи и Фелицитаты, Акты Перпетуи и Фелицитаты, семейный конфликт

Для цитирования: Ярошевская О.И. Взаимоотношения с родственниками в семье мученицы Перпетуи // Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. 2024. № 1. С. 93–108. DOI: 10.28995/2658-4158-2024-1-93-108

Perpetua's relationships with her family

Olga I. Yaroshevskaya

St. Philaret's Institute, Moscow, Russia, yaro-olga@yandex.ru

Abstract. The article describes relationship in the family of Christian martyr of the 3rd century St. Perpetua. Author analyses how conflict between a Christian and his/her non-Christian relatives, typical moment in the Lives of Christian martyrs, is reflected in “The Passion of Perpetua and Felicitas”. The uniqueness of this document is that the family conflict is described on behalf of the martyr herself in Perpetua's prison diary, where the problem of relations with her household and, in particular, the conflict with her father, pushing her to apostasy, is the central motif. If we compare “The Passion of Perpetua and Felicitas” with more recent “Acts of Perpetua and Felicitas”, one can see how a realistic description of the relations in the family of a newly converted Christian woman in all its diversity, from like-mindedness with a catechumen brother to an acute conflict with her father, is replaced by the tradition in “Lives of saints” in which the non-Christian household becomes an indistinguishable crowd of “just pagans” whom a newly converted Christian identifies with his/her sinful past and often perceives as enemies.

Keywords: early Christian martyrs, Passion of Perpetua and Felicitas, Acts of Perpetua and Felicitas, intra-family conflict

For citation: Yaroshevskaya, O.I. (2024), “Perpetua's relationships with her family”, *Studia Religiosa Rossica: Russian Journal of Religion*, no. 1, pp. 93–108, DOI: 10.28995/2658-4158-2024-1-93-108

Известный критик христианства Цельс, чьи сочинения дошли до наших дней по полемическому труду Оригена, в числе прочих обвинений, предъявляемым христианам, писал и о том, что христианские проповедники разрушают семьи, настраивая детей против власти отцов (*Orig. Contr. Cels. 3.55*)¹. В самом деле, типичным мотивом многих житий мучеников является конфликт христианина и его домашних-язычников, толкающих того к отступничеству. Противоборство может быть с отцом—главой семьи, как, например, у мученицы Варвары и ее отца Диоскора². Однако в житиях встре-

¹ *Ориген. О Началах. Против Цельса* / пер. Л. Писарева. СПб.: Библиополис, 2008.

² На русском языке переложение этого более позднего жития можно прочитать в собрании конца XVII – начала XVIII в.: Житие и страдание святой великомученицы Варвары // Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского: В 12 кн. М.: Ковчег, 2010. Кн. 4. С. 74–94.

чаются и конфликты с другими родственниками, не имеющими такой формальной власти, которая была в римской семье у отца. В «Мученичестве Мариана и Иакова» приводится видение некоего Эмилиана, заключенного в тюрьму христианина, который видел во сне родного брата-язычника. Брат задавал Эмилиану издевательские вопросы о смысле его мученичества и подталкивал к отступничеству, но не преуспел в своем замысле (*Pass. Mar. et Iac.*, 8.2–11) [Каргальцев 2013].

Другим типичным мотивом, запечатленным в житиях, является просьба родных мученика, иногда даже поддержанная судьями, отступить и пойти на компромисс из жалости к детям, супругу/супруге или престарелым родителям. Мученическая смерть гречанки Агатоники произошла в Пергаме, возможно, во время гонений при Деции. Об этом сообщается в двух отчетах о судебных процессах и смерти Агафоники и двух других христиан – Карпа и Папила. Греческая и более поздняя латинская версия отчета разнятся рядом деталей, но в обеих версиях Агатонику призывают сжалиться над своими детьми (в греческой версии у нее один сын, а в латинской – несколько детей) и подумать о том, что станет с ее детьми, если она умрет. Но мученица отказывается принести жертву, вручив судьбу своих детей Богу, и погибает (*Pass. Carp. A* 42–47, *B* 6.1–5)³.

Одним словом, истории взаимоотношения ранних мучеников со своими родственниками вполне убедительно иллюстрируют слова Иисуса «Враги человеку домашние его» (Мф 10:36). При этом проблема взаимоотношений христианина с родными-язычниками порождает определенную предвзятость у обеих сторон. Тот же Цельс обвинял христианских проповедников в том, что они, не смея вступать в полемику с образованными мужчинами, ищут в семье «место наименьшего сопротивления» и адресатами их проповеди в семьях оказываются глупые женщины и необразованное юношество, которых какие-то малограмотные ткачи и портные настраивают против главы семьи (*Orig. Contr. Cels.* 3.55). С другой стороны, авторы житий всячески стараются доказать правоту христианских мучеников и говорят о том, что конфликт основывается не на интеллектуальном противоборстве, противостоянии личностей, а на противопоставлении двух образов любви: земной и небесной. Земная любовь родных-язычников к своему ближнему-христианину, подвергнувшись испытаниям, ведет их к тяжелым грехам: печали, отчаянию, ярости, зависти, ревности, гневу, и из любящих они становятся гонителями любимого человека [Лях 2006, с. 74].

³ Мученичество Карпа, Папила и Агатоники // Ранние мученичества: Переводы, комментарии, исследования / под ред. А.Д. Пантелеева. СПб.: Гуманитарная академия, 2017. С. 69–94.

Постепенно складывается канон описания отношений мученика с родными-язычниками. Если они пытаются угрожать ему или оказывать на него давление, он должен посрамить их замыслы. Если родные или судьи проявляют к подсудимому жалость и пытаются воззвать к чувству семейной привязанности, мученик должен решительным образом отринуть все соблазны и подтвердить, что верность Христу для него выше. Хотя повторяемость ситуации наводит на мысль о следовании определенному канону, записанные события, независимо от фактической достоверности каждого отдельно взятого эпизода, неизбежно должны были отражать существующие в то время реалии взаимоотношений в семьях, иначе современники не приняли бы этих текстов. Конечно, читая истории семейных конфликтов в житиях мучеников, необходимо делать поправку на ангажированность их авторов. Однако случается, что подобные поправки приводят к предвзятости противоположного типа и заставляют сегодняшних авторов почти буквально повторять обвинения Цельса. Так, К. Брэдли в статье, посвященной анализу отношений раннехристианских мучеников и их родных по плоти, рассматривает ряд ранних житий, в том числе и «Страсти Свв. Перпетуи, Фелицитаты и с ними пострадавших» и, по сути, обвиняет мучеников в том, что они, возжаждав райского блаженства, обещанного стойким (или будучи запуганными обещанием адских мук, ожидающих отступников), готовы пренебречь своим семейным долгом и принести в жертву своих ближних [Bradley 2003, pp. 175–176].

В свете этого описание отношений в семье христианки-мученицы в «Страстях Свв. Перпетуи, Фелицитаты и с ними пострадавших» (далее – «Страсти» или “*Passio*”) особенно интересно тем, что эти события представлены не глазами внешнего наблюдателя, а «изнутри», от лица самой Перпетуи, в ее тюремных записях, где тема отношений с близкими занимает центральное место. Уже автор вводной справочной части (II, 1–3), называя имена всех мучеников, представляет Перпетую (единственную из всех арестованных катехуменов) не просто как знатную и образованную замужнюю женщину с грудным ребенком, но сразу вписывает ее в круг родственников, упоминая о ее отце, матери и двух братьях: “*habens patrem et matrem et fratres duos ... et filium infantem ad ubera*” (II, 2). Позднее из записок Перпетуи читатель узнает еще и о других членах ее семьи – о тетке по матери (V, 3) и о третьем брате, умершем в семилетнем возрасте Динократе (он единственный из членов семьи, кто в *Записках* Перпетуи назван по имени; VII, 1 – VIII, 4). Упоминание во вводной главе о многочисленных домашних Перпетуи не просто отражает реалии ее социального положения (человек знатного происхождения непредставим вне

своих семейных связей), но является предисловием к конфликту, который описан в ее *Записках*.

Итак, семья Перпетуи – вполне «среднестатистическая» римская семья: родители и четверо детей, из которых до взрослого возраста дожили трое. В тексте нет никаких указаний, как Перпетуя и ее братья соотносятся друг с другом по старшинству. Ее возраст, 22 года, назван точно (II, 3), но о возрасте братьев ничего не сказано. Однако в тексте ни разу не упомянуто, что кто-то из братьев имел, подобно Перпетуе, свою семью. Исходя из этого, а также по ряду других деталей – отец во время свидания говорит Перпетуе, что предпочитал ее всем братьям (V, 2), при свидании с братом в тюрьме именно Перпетуя призывает его к мужеству, а не наоборот (III, 8), создается впечатление (впрочем, не подкрепленное никакими конкретными фактами), что старшим ребенком в семье была именно она. То, что Перпетуя, замужняя женщина, живет с родителями, а не в семье мужа, тоже вполне согласуется с реалиями того времени. Уже во времена поздней Республики в Риме получил широкое распространение брак *sine manu*, при котором жена оставалась под властью своего отца или заменяющего его *paterfamilias* [Семелькина 2021, с. 191]. Вопрос о том, почему во всем тексте *Passio* муж Перпетуи упомянут единственный раз и то лишь косвенно (про Перпетую в II, 1 сказано, что она “*matronaliter nupta*” – матрона в замужестве), требует отдельного обсуждения, но основной конфликт разворачивается между ней и ее отцом, что естественно для римской женщины, находящийся под властью отца.

В более поздних «Актах Перпетуи и Фелицитаты» (далее – «Акты»)⁴ конфликт Перпетуи и ее семьи описан точно по канону жития мучеников. Сначала там, как и в “*Passio*”, описана встреча Перпетуи с отцом сразу после ее ареста. При этом отец упрекает ее в том, что она опозорила семью, а ее отказ от отречения доводит его до того, что отец бросается на дочь с намерением выцарапать ей глаза. Эта выразительная деталь почерпнута из *Записок Перпетуи* и повторяется в обеих версиях «Акт» (Act. Perp. A 2.1, B 2.1). Вторая и последняя встреча Перпетуи с родными происходит уже перед судьями: там появляется семья в полном составе (отец с матерью, братья и муж с ребенком) и умоляет ее отречься из жалости к престарелым родителям и малютке-сыну, при этом отец Перпетуи буквально вталкивает малыша в объятия матери (Act. Perp. A 6.5). Но Перпетуя остается непоколебимой к их мольбам:

⁴ Acta brevia sanctorum Perpetuae et Felicitatis A, B // The Passion of Perpetua and Felicitas in Late Antiquity / ed. by L.S. Cobb. Oakland (CA): University of California Press, 2021. P. 71–96.

«Я не признаю родителей, которые не знают Творца всего сущего» (Акт. Перп. В 6.3), она отталкивает от себя родителей и сына, повторив слова Иисуса из Нагорной проповеди (Мф 7:23): «Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие» (Акт. Перп. А 6.6, В 6.6).

Таким образом, в Актах семья Перпетуи предстает неким единым целым, где неразличимы отдельные лица и где всех объединяет неприятие ее выбора. В *Записках* Перпетуи картина взаимоотношений в ее семье представляется куда более сложной. Когда во II главе нам представляют семью Перпетуи, мы узнаем, что один из ее братьев был, подобно ей, катехуменом (II, 2). Ни в этом представлении, ни в *Записках* Перпетуи нет никаких упоминаний о том, были ли крещены ее мать, второй брат и тетка. Но Перпетуя говорит отцу, что из всей семьи только он один не возмущается ее мученичеством (V, 6), так что можно заключить, что все прочие члены семьи понимают христианский смысл предстоящего ей и относятся к христианской вере как минимум сочувственно. Однако ответить на вопрос, была ли Перпетуя первой крещеной христианкой в своей семье или нет, едва ли возможно. Если представить, что мать, тетка и второй брат Перпетуи не были упомянуты как оглашаемые, поскольку к моменту действия уже были крещены, то тогда не очень понятно, почему о такой важной подробности не упоминается в представлении действующих лиц во II главе, а также об этом не упоминает сама Перпетуя. С другой стороны, предположение, что в своей семье именно Перпетуя была первой оглашаемой и затем окрещенной, а мать и братья находятся под ее влиянием, согласуется с впечатлением о ее лидерском характере, которое возникает и при чтении ее *Записок*, и при описании ее поведения в тюрьме.

Но во всяком случае описанные в *Записках* отношения Перпетуи со своими родными никак не похожи на то гордое отречение от близких, что представлено в «Актах». Ее свидания с братом и матерью в тюрьме – это не спор убежденного христианина с язычниками, а нормальные разговоры любящих друг друга людей в опасной ситуации: Перпетуя, по ее же словам, «беседовала с матерью, укрепляла брата и препоручала [им] сына. Я изнывала от того, что увидела, как они изнывают из-за меня» (III, 8). Уже вне рамок ее *Записок* описана последняя встреча с братом (очевидно, тем самым катехуменом, поскольку он присутствует в цирке вместе с другим катехуменом по имени Рустик). Перпетуя перед финалом игр завещает им быть стойкими в вере, любить друг друга и не соблазняться ее мучениями (XX, 10), т. е. это в полной мере общение единомышленников. Так что мы видим не семью язычников, которым стойко противостоит единственный христианин, а семью, где почти все ее

члены, кроме отца, не вступая до поры в открытый конфликт с ним, склоняются к христианству.

Итак, в *Записках* Перпетуи единственным родственником, который настойчиво толкает ее к отречению, является отец. Собственно, описанием встречи с отцом (III, 1–4) ее *Записки* и начинаются. Внешне последовательность событий вроде бы та же, что и описанная позднее в «Актах» – отец уговаривает дочь отступить, она отказывается. О своем отказе Перпетуя объявляет решительно и бесповоротно: она говорит, что просто не в состоянии назваться кем-то иным, нежели христианкой, приводя пример с кувшином для воды, который тоже нельзя назвать ничем другим (III, 2). Эти же ее слова приведены и в версии А «Акт» (Act. Perp. A 2.2), но и там, и в версии В отсутствует важная деталь, которая есть в ее *Записках*, – Перпетуя отмечает, что отец был движим привязанностью к ней (*deicere pro sua affectione perseveraret*; III, 1). Едва ли справедливым будет упрекать Перпетую и других мучеников, в аналогичной ситуации давления со стороны родных отказавшихся отречься от своей веры, в непочтительности и равнодушии к своим домашним, как это делает К. Брэдли [Bradley 2003, p. 170–172]. Тем более нельзя ставить ей в упрек признание, что после ухода отца она наслаждалась его отсутствием и благодарила Бога за это (III, 4). Облегчение Перпетуи оттого, что образовалась хотя бы временная передышка, представляется естественной реакцией после тяжелого разговора именно с любимым отцом.

Вторая их встреча незадолго до суда тоже рисует отца и дочь оппонентами, но отнюдь не врагами. Отец, глава семьи, по римским законам властный даже над жизнью детей, выглядит в этой сцене как обычный отец, сломленный горем. Он не просто напоминает дочери, что любил ее больше сыновей, и умоляет пожалеть его – он становится перед дочерью на колени, целует ее руки и зовет «госпожой», что полностью переворачивает отношения в семейной иерархии (V, 5). Конечно, им движет и опасение за судьбу остальных домочадцев: «никто из нас не сможет рта раскрыть, если с тобой что-нибудь сделают» (V, 4). Однако Перпетуя в своих *Записках* снова отмечает, что все это он говорил из отцовской любви к ней – “*quasi pater pro sua pietate*” (V, 5), и опять упоминает о своей жалости к отцу (V, 6). Любой, кто вынужден отказать любимому человеку, когда его требования расходятся с высшим долгом, поймет чувства дочери в этот момент.

Похожа и одновременно не похожа на сцену встречи с родными, описанную в «Актах», третья встреча отца и дочери, на судебном помосте. Отец появляется с младенцем Перпетуи на руках и умоляет дочь отречься, пожалев малыша; ему вторит прокуратор Гилариан. Но в *Записках* Перпетуи нет никакой толпы родственников –

отец приходит на суд один, и нет ни слова о публичном отречении Перпетуи от родных. Ее отказ – ответ на повеление Гилариана принести жертву; она подтверждает перед судом, что она христианка, тем самым подписав себе приговор. После этого прокуратор призывает стражникам гнать отца с помоста, чтобы он своими криками и попытками стащить дочь вниз не мешал судебной процедуре (VI, 2–5). И снова Перпетуя говорит о своей жалости к отцу, на этот раз не потому, что он не в силах понять смысл ее мученичества, а потому, что стражники обошлись с отцом грубо, без почтения к его положению и возрасту (VI, 5). Опять-таки едва ли справедливо будет согласиться с высказанным К. Брэдли недоумением, почему дочь из гордого желания поставить себя выше всех остальных не избавила отца от публичного унижения [Bradley 2003, p. 170]. Скорее, грубое и действительно хамское отношение стражников было спровоцировано поведением самого отца. Отец Перпетуи вообще предстает в ее *Записках* человеком импульсивным – он настолько приходит в отчаяние, что теряет любимую дочь, что не в силах следовать римскому идеалу выдержки. Парадоксальным образом этой же страстностью обусловлена и его попытка выцарапать ей глаза при первом свидании, и его поведение при последней встрече незадолго до игр. Перпетуя даже не описывает никакого диалога между ними во время этой встречи, только упоминает, что раздавленный горем отец вырывал свою бороду, бросался ниц и говорил такие речи, что способны были потрясти мироздание (IX, 3). И дочь еще раз повторяет слова о своей жалости к отцу.

Одним словом, из ее *Записок* вовсе не прочитывается пренебрежение к отцу-язычнику и нет никаких признаков отказа от своей семейной идентичности. Видно, что она тоже любит отца, страдает из-за того, что ему непонятен ее выбор, и, если бы ей не пришлось выбирать между дочерним и иным, высшим долгом, едва ли ей пришлось бы в голову оспаривать его власть. Уместно вспомнить, что когда после суда отец не разрешает приносить ей в тюрьму сына, она не пишет никаких резких слов по его адресу, только отмечает, что такова была его воля, а воля Божья проявилась в том, что ни малыш, ни она сама не пострадали от резкого прекращения грудного кормления (VI, 8), т. е. она понимает мотивы отца, сожалеет, что невольно стала причиной его горя, и ее отказ подчиниться – не отречение от беззаконника, но подчинение долгу, что выше, чем семейный долг.

Важное место в *Записках* Перпетуи занимает все, что связано с ее маленьким сыном. В «Актах» создается впечатление, что о ребенке упомянуто исключительно для того, чтобы Перпетуя могла оттолкнуть его, когда родные искушают ее отречься, взывая к ее материнским чувствам (Act. Perp. A 6.6; B 6.6). Конечно, этот

мотив манипулирования ее материнскими чувствами есть и в ее *Записках* – отец явно пытается «надавить» на нее, убеждая дочь, что младенцу без матери не выжить. Но Перпетуа в своих *Записках* отнюдь не выглядит фанатичкой, готовой во имя сохранения своей верности Христу «принести в жертву младенца, которого она недавно родила» [Bradley 2003, p. 171]. Ее отношение к сыну – нормальное отношение молодой матери к своему ребенку. Она беспокоится, что малыш потерял в весе, когда она после ареста не могла кормить его грудью, в разговорах с матерью и братом препоручает сына заботам своих родных (III, 8), радуется, когда ей разрешают оставить ребенка при себе в тюрьме: «я освободилась от страдания и тревоги за младенца. И темница сразу стала для меня дворцом, так что я предпочла бы это место любому другому» (III, 9). О том, что ее сын – грудничок, которому потребно материнское молоко, она упоминает с откровенностью, которая в других древних сочинениях встречается в основном в трактатах, посвященных медицине. И едва ли для нее безразлично, что из-за запрета отца она не могла провести с сыном свои последние дни. Ее ссылка на волю Божию относится не к тому, что их разлучили прежде срока, а к тому, что она была избавлена от тревоги о том, что будет после резкого прекращения грудного кормления: и ребенок уже смог перейти на другую пищу, и ее саму миновало воспаление в груди от застоя молока. Кстати, эта подробность относительно младенца, так же как и сведения о том, насколько широко в состоятельных римских семьях был распространен наем кормилицы для младенца [Brooten 2015, pp. 121–122], лишний раз свидетельствуют, что слова отца о том, что ребенок без матери умрет, были средством давления на дочь. При всем том, что, безусловно, потерять мать так рано – участь трагическая, все же физические страдания и тем более смерть в своей семье, среди родных малышу никак не грозили.

Примечательно, что вслед за почти каждой встречей с отцом в *Записках* Перпетуи следует описание какого-то ее видения. После первой встречи – видение лестницы на небо и седовласого Пастыря в райском саду. После последней – видение битвы со страшным египтянином, когда Ланиста – муж огромного роста после победы вручает ей ветвь с золотыми плодами. По мнению Е.В. Сергеевой, эти фигуры ассоциируются у Перпетуи с образом Отца и отражают конфликт идентичностей – следование родительскому (всегда отцовскому) авторитету оказывается несовместимым с христианским долгом и с неизбежностью требует отречения женщины от семейной идентичности [Сергеева 2013, с. 48]. Иной точки зрения придерживается П.Н. Лебедев, говоря о том, что именно подробное описание своих взаимоотношений с отцом в *Записках* Перпетуи говорит о том, что ее выбор – остаться христианкой – не пере-

черкивает сложившихся внутри семьи Вибиев крепких связей и не приводит к радикальному разрыву с прошлым, так что в тюремных записях Перпетуи нашли отражение и ее христианская, и семейная идентичность [Лебедев 2023, с. 82, 88]. Это подтверждается и тем, что ее видение после свидания с отцом на суде тоже касается отношений с родными – на этот раз с умершим уже давно братом.

Два видения Перпетуи о Диократе в основном анализируют с той точки зрения, что они, как и *Видение Сатура*, дают возможность понять, каковы были представления христиан того времени о посмертной участи [Orban 1989, pp. 269–277]. Но можно взглянуть на них и с точки зрения семейной темы. По признанию Перпетуи, воспоминание о Диократе настигло ее внезапно, подобно удару, поскольку до этого момента мысли о нем ее не посещали. Она объясняет, почему о нем забыла – слишком тяжелы были воспоминания (VII, 1). Мальчик не просто умер рано, в семь лет, но умер тяжелой смертью, которая была не только мучительна для него, но и отвратительна для всех окружающих (*ut mors eius odio fuerit omnibus*) (VII, 5). Неблагодарное дело гадать о том, какая именно болезнь свела мальчика в могилу. Тем не менее, если судить по описанию Диократа, каким Перпетуя запомнила его перед смертью и видела во сне, бледного и грязного, с язвой на лице (VII, 4), мальчик мог умереть от номы – гангренозного заболевания, поражающего преимущественно детей и характеризующегося изъязвлением слизистой щеки изнутри, с образованием язв, проедающих мышцы и кожу насквозь, что сопровождается сильнейшей болью и невыносимо тяжелым запахом распада. Немудрено, что память нормального человека оттесняет воспоминания о такой смерти своего близкого в дальний угол.

Характерно, что Перпетуя вспоминает умершего брата именно тогда, когда лишена возможности заботиться о своем сыне. Она, естественно, при всей уверенности в том, что родные не оставят его, не может не беспокоиться о том, как он будет жить без нее. Кроме того, трудная посмертная участь брата в ее сознании связана, скорее всего, с тем, что он умер язычником. Детское крещение еще не было в III в. массовым, ведь сама Перпетуя стала оглашаемой уже во взрослом возрасте, так что предположение, что Диократ был крещен раньше других братьев и сестры и причина его посмертных мучений – какой-то нераскаянный грех, выглядит не слишком правдоподобным. И возможно, что Перпетуя беспокоится и о том, что ее сын, оставленный на попечение деда, настроенного против христиан, вырастет язычником и в случае смерти не будет защищен от такой же печальной участи.

Поэтому Перпетуя считает, что внезапно пришедшее к ней воспоминание – это просьба о помощи, призыв молиться за брата.

Это понимание посещает ее сразу же и подкрепляется ее сном, где она видит мальчика измученным жарой и страдающим от жажды. Позволим себе предположить, что в ее видениях брат замещает ее сына – Перпетуя все время подчеркивает его малость. Сначала он не может дотянуться до воды и напиться, потому что ограда источника слишком высока для роста ребенка (VII, 7). А когда она после усиленных молитв видит его во сне повторно, в чистой одежде, с зажившей язвой, пьющего воду из золотой чаши, то Динократ, напившись, играет и радуется как младенец (*ludere more infantium* VIII, 4), хотя семилетнего мальчика уже никак не назовешь младенцем. Так что видение о Динократе говорит о том, что Перпетуя воспринимает свое обращение не как призыв разорвать связь с родными по плоти, а как некую новую ответственность за них: «я сразу поняла, что я достойна и должна просить за него» (VII, 2). Но одновременно обращение означает и обретение новой иерархии ценностей, где семейные привязанности уже не могут стоять выше верности Христу, и конфликт возникает там, где ее вынуждают выбирать между Христом и родными.

Говоря о родных Перпетуи, нельзя не сказать о такой «фигуре умолчания», как ее муж. Как уже упоминалось выше, во всем тексте «Страстей» он упомянут всего однажды, и то косвенно, и причина такого умолчания неизменно вызывает интерес исследователей. В позднейших версиях жития Перпетуи и Фелицитаты эту проблему решали по-разному. В «Актах» (в обеих версиях) муж Перпетуи упомянут в числе родных, пришедших на суд уговаривать ее отречься (Акт. Регр. А 6.1, В 6:1). При этом он ничем не выделяется из всех прочих родных, никакого голоса и отдельной роли у него нет, то есть создается впечатление, что муж просто вставлен в список родственников, поскольку у ребенка Перпетуи должен быть законный отец.

В Житиях святых по изложению Димитрия Ростовского, как и во многих популярных пересказах, Перпетуя названа вдовой⁵. Комментаторы признают, что такое предположение имеет право на существование [Amat 1996, p. 30], но оно не подкрепляется никакими свидетельствами в тексте «Страстей», за исключением отсутствия упоминаний о ее муже. Однако как раз это отсутствие удивляет (особенно когда видишь, сколько места в воспоминаниях Перпетуи занимает ее умерший брат). Возраст сына Перпетуи можно примерно определить как 6–10 месяцев, если исходить из того, что он

⁵ Память святой мученицы Перпетуи и с нею святых юношей Сатира, Ревоката, Саторнила, Секундула и святой Филицитаты жены // Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского: В 12 кн. М.: Ковчег, 2010. Кн. 6. С 17–18.

еще кормился грудью, но уже оказался способен перейти на другую пищу. То есть, даже если она овдовела еще до рождения ребенка, к моменту написания ее записей прошло максимум года полтора со времени предполагаемой смерти ее мужа. Какими бы ни были отношения супругов (вовсе не факт, что брак был заключен по взаимной любви), все равно полное отсутствие упоминаний о покойном супруге вызывает вопросы. К. Осиек обращает внимание также и на то, что отец Перпетуи действует в полном соответствии со своими правами главы семьи, когда пытается повлиять на нее, но он же берется решать и судьбу ее сына, и непонятно, почему никаких прав на ребенка не предъявляет семья мужа, хотя ребенок даже при браке *sine manu* принадлежал не материнской фамилии, но отцовской [Osiek 2002, p. 288].

Эти наблюдения сподвигают К. Осиек выдвинуть гипотезу, что мужем Перпетуи мог быть Сатур, катехизатор группы. Это предположение исходит из того, что отношения Сатура с Перпетуей явно более тесные, чем с другими катехуменами. В первом видении Перпетуи Сатур поднимается по лестнице на небо впереди нее, напутствуя и предостерегая (IV, 5–6), а в *Видении Сатура* последний попадает в райские сады вместе с Перпетуей (XI, 4 – XIII, 8). Однако, хотя исследовательница пишет, что ее гипотеза объясняет многие умолчания в рассказе, но одновременно она порождает не меньше вопросов и содержит не меньше натяжек, чем гипотезы о том, что Перпетуя является вдовой или что ее муж находится в длительной отлучке. Опять-таки непонятно, почему ни в предисловии, ни в описании гибели мучеников на арене, ни тем более в *Записках* Перпетуи ничего не сказано об отношениях с Сатуром сверх того, что он был наставником группы катехуменов, или, в буквальном переводе, строителем их общины (*quia ipse nos aedificaverat*; IV, 5). А «особое отношение» Сатура к Перпетуе легко объяснить тем, что среди группы катехуменов она была очевидным лидером и, по всей вероятности, наиболее образованной из всех, судя по тому, что сомученик, спрашивающий ее об их общей участи, признает ее за старшую среди них, обладающую бóльшим достоинством: *“iam in magna dignatione es”* (IV, 1).

Столь же экзотической, как гипотеза о Сатуре в качестве супруга Перпетуи, можно признать гипотезу о том, что она родила своего сына вне брака. К. Купер выдвигает такую версию, исходя из тех же «странностей» – отсутствие упоминаний о муже Перпетуи в тексте *“Passio”* и тот факт, что отец ребенка или его родня не претендуют на заботу о сыне. Но все же ситуация рождения ребенка вне брака для образованной женщины из знатной семьи была бы слишком скандальной, чтобы ее замолчать, так что К. Купер делает еще одно допущение – что Перпетуя была конкубиной

и что ее происхождение не такое высокое, как заявлено в *Прологе* (иначе стражники на помосте не посмели бы ударить отца). По ее мнению, слова во II главе про ее благородное происхождение и брак со знатым человеком (*honeste nata, ... matronaliter nupta*; II, 1) являются позднейшей вставкой, сделанной, чтобы не вызывать лишних вопросов у читателя [Соорер 2011, р. 686]. Правда, эта гипотеза содержит столь же много натяжек, как и предположение К. Осиек относительно брака Перпетуи и Сатура, и в первую очередь не слишком состоятельно предположение о незнатном происхождении Перпетуи. В статье П.Н. Лебедева убедительно показано, что весь облик Перпетуи говорит о ее происхождении из родовитой семьи [Лебедев 2023, с. 76–77, 84–85]. Кроме того, слова о хорошем образовании Перпетуи (II, 1) полностью подтверждаются и ее *Записками*, и отношением к ней других сомучеников, и даже упоминанием Сатура о том, что Перпетуя свободно владела греческим (XIII, 4), и это не очень согласуется с предполагаемым скромным социальным положением. О высоком происхождении может свидетельствовать даже ее имя. В Северной Африке во II–III вв. известно о нескольких представителях знатного рода Перпетуев, и тогда имя героини *Passio* могло бы быть не прозвищем («Постоянная»), данным ей за стойкость в испытаниях, но принятым в замужестве *congnomen* супруга [Лебедев 2023, с. 85]⁶.

Ж. Ама выдвигает еще одну версию относительно мужа Перпетуи, которая представляется вполне правдоподобной, – что тот мог оставить жену из-за ее выбора [Amat 1996, р. 31]. Брак *sine manu* предполагал относительно легкую возможность развода супругов. В числе прочих причин развода могло быть и обращение одного из супругов в христианство. Случай развода супругов по инициативе жены, ставшей христианкой и не пожелавшей терпеть распутство мужа, приводит Иустин Мученик в своей апологии (*Iust. II Apol. 2*)⁷. Могло быть и обратное – инициатива разрыва могла исходить от мужа, для которого жена-христианка могла стать источником опасности или, по крайней мере, неприятностей – этот мотив тоже встречается в житиях и апокрифах [Лях 2006, с. 74]. Гипотеза о том, что муж Перпетуи оставил ее с началом ее оглашения и прекратил всякие отношения с ее семьей, могла бы объяснить и его отсутствие среди действующих лиц,

⁶ См. об этом подробнее статью Н.В. Брагинской, которая будет опубликована в № 2 журнала «*Studia Religiosa Rossica*: научный журнал о религии» за 2024 г.

⁷ *Иустин*. Вторая Апология / пер. П. Преображенского // Иустин, философ и мученик: Творения. М.: Паломник; Благовест, 1995.

и молчание о нем в ее *Записках*, и то, почему никто из семьи мужа не интересуется сыном Перпетуи. Однако приходится еще раз повторить, что каких-либо конкретных подтверждений этой гипотезы, равно как и всех прочих, в тексте “*Passio*” нет.

Однако, хотя отсутствие в “*Passio*” упоминаний о супруге Перпетуи вызывает вопросы, но в результате окончательной редакции текста, когда к *Запискам* Перпетуи были добавлены *Пролог*, *Эпilog* и описание гибели мучеников, такое отсутствие приобретает символическое значение. Возможно, что христиане Карфагена хорошо знали историю Перпетуи и не нуждались в объяснениях, что произошло с ее мужем и почему он не принимал участия в событиях. Но для составителя окончательного текста важно, что Перпетуя первоначально упомянута как «матрона в замужестве» (II, 1), а на арену она выходит как «матрона Христа» (XVIII, 2), уже не жена знатного человека, а хозяйка дома Христова, предшественница «невест Христовых», предпочетших монашество семейному счастью.

Таким образом, в “*Passio*” (особенно в *Записках* Перпетуи) мы видим вполне реалистичное описание отношений в семье новообращенной христианки. Во-первых, расклад мнений в семье далек от противостояния одиночки-христианина и сплоченных в своем неприятии родных-язычников. Мы видим среди домашних Перпетуи самые разнообразные позиции: от полного единомыслия с ней брата-катехумена до полного неприятия ее выбора отцом. Столь же разнообразно и по-человечески понятно ее отношение к родным: тревога за маленького сына и нежность к нему, жалость к матери и братьям, стремление защитить от тяжелой посмертной участи умершего брата, стойкость перед отцом и отстаивание своего выбора. Ничего похожего на фанатичку, готовую принести в жертву домашних, вставших между ней и небесным блаженством, как порой пытаются представить христианских мучеников даже сегодня, говоря о «жертвоприношении семьи» [Bradley 2003].

Но можно увидеть и другое – как в более поздних версиях того же жития эта сложность утрачивается. В *Записках* Перпетуи прочитываются непростые взаимоотношения между «небесной» и «земной» любовью: христианская любовь усиливает земную, когда Перпетуя прощается с братом-катехуменом, завещая ему стоять в вере и не соблазняться ее мучениями (XX, 10), творчески ее преобразует, позволяя молитвой изменить посмертную участь брата-язычника, и вступает в трагическое противоречие с земной любовью, когда речь идет о конфликте с отцом, которого Перпетуя, безусловно, любит, но которого вынуждена послушаться. В более поздней версии эта сложность исчезает, конфликт упрощается до однозначного выбора в пользу благочестия. Описание отношений

Перпетуи и родных подгоняется под уже складывающуюся традицию, когда домочадцы становятся «просто язычниками», которых обращенный христианин отождествляет со своим греховным прошлым и часто воспринимает как врагов, и реальный выбор пути, причины которого всегда сложны, заменяется заранее предопределенным ответом.

Литература

- Каргальцев 2013 – *Каргальцев А.В.* Мученичество Св. Мариана и Иакова: вступительная статья, перевод, комментарий // Религия. Церковь. Общество: Исследования и публикации по теологии и религии. 2013. Вып. 2. С. 208–239.
- Лебедев 2023 – *Лебедев П.Н.* Мученица в кругу семьи: «Страсти свв. Перпетуи, Фелицитаты и их сомучеников» и римские семейные ценности // Новый исторический вестник. 2023. № 1 (75). С. 75–95.
- Лях 2006 – *Лях Е.Е.* Религиозный конфликт в семье в эпоху раннего христианства // Ярославский педагогический вестник. 2006. № 3. С. 69–75.
- Семелькина 2021 – *Семелькина П.Д.* Эволюция института брака в римском праве // Молодой ученый. 2021. № 13. С. 191–194.
- Сергеева 2013 – *Сергеева Е.В.* Конфликт идентичностей в «Мученичестве свв. Перпетуи и Фелицитаты» // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2013. № 17 (118). С. 37–53.
- Amat 1996 – *Amat J.* Introduction // *Passion de Perpétue et de Félicité suivi des Actes* / Introd., texte critique, trad., comment. J. Amat. Paris: Les éditions du Cerf, 1996. P. 19–94.
- Bradley 2003 – *Bradley K.* Sacrificing the family: Christian martyrs and their kin // *Ancient Narrative*. 2003. Vol. 3. P. 150–181.
- Brooten 2015 – *Brooten B.* Early Christian enslaved families (first to fourth century) // *Children and family in Late Antiquity. Life, death and interaction* / ed. by C. Laes, K. Mustakallo, V. Vuolanto. Leuven: PEETERS, 2015. P. 111–134.
- Cooper 2011 – *Cooper K.* A Father, a daughter, and a procurator: authority and resistance in the prison memoir of Perpetua of Carthage // *Gender and History*. 2011. Vol. 23. No. 3. P. 686–703.
- Orban 1989 – *Orban A.R.* The afterlife in the visions of the Passio SS. Perpetuae et Felicitas // *Fructus centesimus: Mélanges offerts à G.J.M. Bartelink à l'occasion de son soixante-cinquième anniversaire* / ed. by A.A.R. Bastiaensen et al. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1989. P. 269–277.
- Osiek 2002 – *Osiek C.* Perpetua's husband // *Journal of Early Christian Studies*. 2002. Vol. 10. No. 2. P. 287–290.

References

- Amat, J. (1996), "Introduction", in *Passion de Perpétue et de Félicité suivi des Actes*. Les éditions du Cerf, Paris, France, pp. 19–94.
- Bradley, K. (2003), "Sacrificing the family: Christian martyrs and their kin", *Ancient Narrative*, vol. 3, pp. 150–181.
- Brooten, B.J (2015), "Early Christian enslaved families (first to fourth century)", in Laes, C., Mustakallo, K. and Vuolanto, V., *Children and Family in late Antiquity. Life, Death and Interaction*, PEETERS, Leuven, Belgium, pp. 111–134.
- Cooper, K. (2011), "Father, a daughter and a procurator: authority and resistance in the prison memoir of Perpetua of Carthage", *Gender and History*, vol. 23, no. 3, pp. 685–702.
- Kargaltsev, A.V. (2013), "Martyrdom of St. Marian and James: Introductory article, Russian translation and commentary", in *Religiya. Tserkov'. Obshchestvo. Issledovaniya i publikatsii po teologii i religii* [Religion. Church. Society: Research and publications in the field of theology and religious studies], iss. 2, pp. 208–239.
- Lebedev, P.N. (2023), "A martyr in the family circle: The 'Passio Sanctarum Perpetuae et Felicitatis' and Roman Family values", *The New Historical Bulletin*, vol. 75, no. 1, pp. 75–95.
- Lyakh, E.E. (2006), "Religious conflict in the family in the era of early Christianity", *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, no. 3, pp. 69–75.
- Orban, A.R. (1989), "The afterlife in the visions of the Passio ss Perpetuae et Felicitas", in *Fructus centesimus: Mélanges offerts à G.J.M. Bartelink à l'occasion de son soixante-cinquième anniversaire*, Kluwer Academic Publishers, Dordrecht, Netherlands, pp. 269–277.
- Osiek, C. (2002), "Perpetua's husband", *Journal of Early Christian Studies*, vol. 10, no. 2, pp. 287–290.
- Semel'kina, P.D. (2021), "The evolution of the institution of marriage in Roman law", *Molodoi uchenyi*, vol. 13, pp. 191–194.
- Sergeyeva, E.V. (2013), "The conflict of identities in the martyrrium of Saint Perpetua and Felicitas", *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series*, vol. 118, no. 17, pp. 37–53.

Информация об авторе

Ольга И. Ярошевская, кандидат медицинских наук, доцент, Свято-Филаретовский институт, Москва, Россия; 105066, Россия, Москва, пер. Токмаков, д. 11; yaro-olga@yandex.ru

Information about the author

Olga I. Yaroshevskaya, Cand. of Sci. (Medicine), associate professor, St. Philaret's Institute, Moscow, Russia; 11, Tokmakov Ln, Moscow, Russia, 105066; yaro-olga@yandex.ru